

Импотенция инноваций

[печать](#)

[комментарии](#)

[текст](#)

Московский Комсомолец № 25566 от 10 февраля 2011 г.

Билл Гейтс как живой укор российским госкорпорациям

Нефть марки Brent уже дороже \$100 за баррель. И “оранжевые революции”, охватившие, позеленев, Ближний Восток, вполне могут подбросить цены еще выше.

В России, естественно, праздник. 2 февраля даже профессиональный пессимист министр финансов [Алексей Кудрин](#) подобрел. Он расщедрился на новый прогноз бюджетного дефицита в 2011 году — не 3,6% [ВВП](#), как было бы при запрогнозированной цене барреля нефти в \$75, а 3%.

Впрочем, это его личный праздник. Более значимая величина — рост ВВП.

Кудрин утверждает: мы ускоряемся. Если экономика в 2011 году будет расти с не меньшей скоростью, чем в 2010-м, то докризисный уровень середины 2008 года будет достигнут уже в этом году, а не в 2012-м, как рассчитывало правительство. Есть уже экспертные подсчеты, по которым при среднегодовой цене в \$100 рост ВВП составит 4,6%, а при цене в \$120 и вовсе перевалит за 8%.

Значит, кризис скоро можно будет забыть, как дурной сон?

Но что-то мешает, царапая память.

В ноябре 2010 года, за пару дней до президентского послания, появилось видеообращение Дмитрия Медведева, где он говорил о том, что перед Россией стоит угроза застоя, симптомы которого уже налицо. Президент явно адресовал свой вывод докризисным временам, президентству своего предшественника — до него в российской политике было все что угодно, кроме застоя.

Но, позвольте, с 1999-го до 2008 года российская экономика росла, она растет и сейчас. Получается, политический застой, о признаках которого говорил президент, возможен при экономическом росте?

Что же это за рост, который оказывается сродни застою?

Нынешний оппозиционер, ставший известным широкой публике как экономический советник президента Путина с 2000-го по конец 2005 года, Андрей Илларионов в свое время категорически возражал против самой постановки вопроса о качестве роста. Он предпочитал арифметику: рост или есть, или его нет, а разговоры о его качестве — от лукавого. Но время идет, и чем острее стоит

проблема перевода российской экономики на “инновационные рельсы” (меня всегда забавляет это дежурное словосочетание, инновационным рельсам, даже, скорее, шпалам, не хватает только нанопокрытия), тем внимательнее стоит оценивать то самое качество роста, которое в первую очередь зависит от его двигателя.

Старый двигатель — нефтяные цены — опять в строю, и у всех отлегло от сердца.

Еще бы! Это в тех самых российских традициях, которые художественно описывают сказки про повелевающую щуку или скатерть-самобранку, ведь рост цен на нефть приносит незаработанные деньги. Если же поставить сказки на полку, то речь идет о неистребимых чиновничьих традициях лени, когда деятельность вроде бы кипит, заседания проходят одно за другим, электронные почтовые ящики переполнены важнейшей перепиской, вот только как двигали нефтяными советскую экономику с середины 1970-х — так двигают российскую экономику и сейчас, иногда уходя в отпуск, который оборачивается крахом, дефолтом, кризисом и другими катастрофами.

Никакой замены этому двигателю нет. И ведь не предвидится.

Дело даже не в плачевных сегодняшних результатах, о которых лучше всего говорит всего одна цифра из материалов заседания президентской комиссии по модернизации, проходившего в Арзамасе 31 января.

Там в фокусе внимания, напомним, была инновационная деятельность госкомпаний (министр экономического развития Эльвира Набиуллина насчитала “под особым контролем” 47 компаний с госучастием), которые, как ожидается, должны разбудить в стране инновационный процесс. А тот — оглушительно храпит.

Вот характерный диалог Набиуллиной с Медведевым, состоявшийся 31 января в Арзамасе.

— У нас есть компании, у которых нет патентов, — перелистав лежавшие перед ним материалы, даже не вопросительно, а с какой-то обреченной меланхоличностью констатировал Медведев.

— Нет, и не планируется, — с ледяным спокойствием подтвердила Набиуллина.

В цифрах ситуация такова: за 2010 год российские госкомпании зарегистрировали 1000 патентов, а компания Microsoft в одиночку — 5000. Но это не все.

1000 патентов наших госкомпаний — внутрисоссийские, международных же они на всех зарегистрировали... только 5.

Это и есть та красноречивая цифра, к которой я подводил.

Microsoft — корпорация, действующая практически во всем мире. Ее патенты — международные, другие просто не нужны. И вот теперь соизмеримое соотношение:

у 47 отечественных госкомпаний 5 патентов, а у Microsoft — 5 тысяч.

Тут можно было бы произнести: “Как говорится, без комментариев”. Но это как раз тот случай, когда комментарии требуются. Ведь в чем-то Microsoft сродни образцовым российским госкомпаниям. Детище Билла Гейтса — монополия, в чем ее не раз уличали разнообразные суды. Но она справляется с генетической предрасположенностью монополии к лени, потому что находится на самом инновационном участке мирового рынка — и ничего не остается, кроме как соответствовать.

У российских же госмонополий ниши потише. Но главное в другом: они твердо знают, что государство-собственник их не бросит, а это стимулирует лень. Положение не спасает то, что, по словам Набиуллиной, инновационная деятельность госкомпаний в 2010 году на 69% финансировалась из госбюджета, а в 2011-м снижение доли бюджета будет незначительным — до 61%.

Разбудить инновации в экономике у так и не проснувшихся госкомпаний не получается. В Арзамасе на них вылили ушат холодной воды — отправлен в отставку, как было неофициально сформулировано “за инновационное бездействие”, глава Объединенной авиастроительной корпорации Алексей Федоров. К 1 апреля (чем не подходящая дата?) госкомпании должны представить свои программы развития инноваций и назначить чиновников, которые будут персонально отвечать за их выполнение.

Административные усилия налицо. Но инновации будут развиваться, только если станут выгодными. И как раз тут в игру вступают растущие цены на нефть, которые определяют инвестиционные предпочтения, отодвигая по существу венчурные вложения в инновации на задний план. А это, с учетом административного давления, повышает риск появления в России специфического вида инноваций — инновационных приписок.

Высокие цены на нефть скорее еще больше убаюкают инновации, чем разбудят. И это имеет прямое отношение к качеству роста. Рост на растущих ценах на нефть — это и есть рост, ведущий в застой. Это вовсе не игра в слова.

Вспомним. В середине прошлого года Минэнерго в рамках генеральной схемы развития нефтяной отрасли выдвинуло прогноз, согласно которому, если нефтяники не получают налоговые льготы, добыча и, соответственно, экспорт нефти начнет сокращаться в абсолютных величинах уже с 2011 года.

Пусть это был лоббизм нефтяников. Но ведь тех льгот, которые развяжут им руки для инвестиций во все более сложные месторождения, они точно не получают. В Минфине, наоборот, для них есть план введения нового налога — на дополнительный доход. А это значит, что необходимые инвестиции не появятся.

Если же пик добычи и экспорта российской нефти пройден, то наш двигатель экономики сейчас крайне ненадежен, какими бы ни были текущие цены на нефть.

Нефтяной двигатель может забарахлить в самый неподходящий момент — например, перед президентскими выборами. И тогда сочетание негодного качества роста и “элементов” политического застоя вполне может окрасить все вокруг в оранжевый цвет.